

Если бы это было раньше, Лю Цюаньцин, несомненно, нашел бы способ помочь, но сейчас у него не было ни единого медяка, и в своей комнате он еще не смог договориться с Ли-ши и детьми.

Вспомнив мгновенно потухшие глаза Лю Яоцина, Лю Цюаньфу замялся, не решаясь высказать свою просьбу.

— Сегодня утром третий брат принес слиток серебра, используем его, — Лю Цюаньфу, видимо, уже всё продумал. Даже если бабушка скажет, что у неё нет денег, у него есть план: серебро, которое Лю Цюаньцин принес утром, не могло быть потрачено так быстро.

Молча свернув самокрутку, старик Лю сказал:

— Это серебро, которое Цюаньюнь заработал, работая учителем в городке, его трогать нельзя.

— Но это я принес его, — упрямо посмотрел Лю Цюаньфу на Лю Цюаньцина. — Третий брат, не поможешь мне? У меня в семье много детей, ты же знаешь, лишних денег нет...

Глядя на ожидающего старшего брата, Лю Цюаньцин уже готов был согласиться.

У Ли-ши ещё оставалось немного приданого, а сегодня как раз нашли серебряные украшения, которые должны стоить около одного лян. Вино у Хромого Лая в деревне было дешевле, чем в городке, максимум сто монет...

Думая об этом, Лю Цюаньцин почувствовал, что может уговорить Ли-ши. В конце концов, это всего лишь сто монет, он сможет их достать. Всё-таки это родной брат, семье нужно жить вместе, нельзя же всё рушить.

— Папа, наверное, снова согласится, — тихо сказал Син-гэ снаружи.

— Я войду! — Лю Яоцин, согнувшись, отошел от окна и вошел через дверь, увидев, как Лю Цюаньцин улыбается, явно уже приняв решение.

Увидев, как бабушка и старик Лю на кане холодно наблюдают за происходящим, Лю Яоцин почувствовал, как внутри похолодало, и громко сказал:

— Папа, ты как следует подумай, не вздумай брать мамино серебро. Использовать приданое жены, чтобы купить братскую любовь, ты что, настоящий мужчина? По-моему, просто нахлебник, живущий за счёт жены...

— Дядя, выбрось эту мысль из головы, у папы не только нет серебра, но даже если бы оно было сегодня, он бы его не отдал, — Лю Яоцин прямо посмотрел на бабушку на кане. — Бабушка, если ты хочешь, чтобы братья жили в мире, перестань использовать такие методы. Даже у глиняного человека есть свой характер, если постоянно стричь одну и ту же овцу, она рано или поздно убежит.

Каждый раз используя такие методы, тот, кто даёт деньги, не видит в этом ничего странного, а тот, кто берёт, считает это само собой разумеющимся. По мнению Лю Яоцина, семья до сих пор оставалась спокойной только потому, что все к этому привыкли.

Но он не привык и не собирался быть той самой овцой, с которой постоянно стригут шерсть.

Слова Лю Яоцина были как шипы, вонзающиеся в сердце Лю Цюаньфу, постепенно разрывая

то, что все считали нормой, и показывая несправедливость внутри.

Однако Лю Яоцин считал, что бабушка и старик Лю, будучи в преклонном возрасте, должны были понимать эту несправедливость, но поскольку никто об этом не говорил, они предпочитали этого не замечать.

По крайней мере, в семье было спокойно, все вращались вокруг стариков, позволяя им наслаждаться семейным счастьем, и никого не волновало, живы ли младшие.

Эти слова Лю Яоцина словно что-то сломали, и первым это осознал старик Лю. Он мрачно сказал:

— Я потом зайду к Хромому Лаю и отдам серебро.

— Муж! — нахмурилась бабушка. Старик Лю имел в виду, что серебро придется отдать ей.

— Решено, — непреклонно сказал старик Лю.

Выйдя из главной комнаты, Лю Цюаньцин не почувствовал ничего особенного. Для него, если старик Лю сказал, значит, всё правильно, и не нужно было больше думать. Он просто взял мотыгу и отправился работать в поле.

Вернувшись в свою комнату, Лю Цюаньфу захлопнул дверь, продолжая ругаться, и не собиравшись идти работать.

Присев во дворе, Лю Яоцин щурился от тёплого солнца, а Син-гэ радостно сказал:

— Цин-гэр, ты хорошо говоришь, иначе сегодня наша семья снова бы отдала серебро, а мама бы плакала.

Юй-гэр, который не решался войти и слушал снаружи, тоже присел рядом, ухмыляясь:

— Так вот, оказывается, дядя поехал в городок за серебром, которое папа прислал, но на этот раз ничего мне не привёз...

— И ты рад? — удивился Лю Яоцин.

— Конечно, — Юй-гэр действительно был рад. — Мой папа умеет читать, он сюцай.

В семье так много людей, и только Лю Цюаньюн из второго дома был сюцаем, работал учителем в городке и редко возвращался. Юй-гэр и его мать Шэнь-ши жили вместе со всеми, и они действительно гордились этим.

— О, тётя Шэнь убивает курицу, — вдруг сказал Юй-гэр. — Наверное, опять Чжэцзы-гэ принёс?

— Да, — кивнул Лю Яоцин.

Ли-ши была мастерицей на все руки, и убить курицу, ощипать её было для неё делом минут. Она быстро справилась, положила курицу в большой чугунный котел, залила водой и начала варить. Вскоре по двору разнёсся аппетитный запах мяса, и даже у Лю Яоцина потекли слюнки.

— О, что это за запах?

Сейчас ещё не было полудника, только что прошло время обеда, а в животе у Лю Яоцина была лишь теплая каша, и он уже проголодался. Однако сейчас не было времени посевной, и большинство семей ели два раза в день — утром и вечером, в основном кашу, а те, кто работал в поле, могли позволить себе грубые лепешки или рис.

Человек, вошедший во двор, зная дорогу, подбежал к кухне и встал у двери, уставившись на котел, из которого валил пар.

— Настоящий собачий нос, даже это учуял, — недовольно сказал Юй-гэр. — Тётя Ли всегда так: как только в доме появляется что-то вкусное, она тут как тут, где бы ни была.

Услышав слова Юй-гэра, Лю Яоцин понял, что эта женщина — жена старшего брата.

— Это Чжэцзы принёс? — Тётя Ли, дальняя родственница бабушки, которая вышла замуж благодаря ей, начала закатывать рукава, улыбаясь. — Какое совпадение, я тоже помогу. Сегодня всем повезёт...

Увидев, как Тётя Ли ведёт себя так, будто это само собой разумеется, а Ли-ши, не умеющая говорить, молчит, Лю Яоцин понял, что такое случилось не раз, и внутри него вспыхнул гнев.

Не говоря уже о том, что эту курицу Чжэцзы-гэ принёс специально для него, чтобы он поправился, но даже если бы это было не так, после того как старший брат взял его деньги на вино, Лю Яоцин предпочёл бы растоптать курицу ногами или выбросить её, но не отдавать им ни куска.

Ли-ши всегда была немногословной и неловкой на словах, с самого замужества она молча работала, никогда не высовываясь. Столкнувшись с напористой Тётей Ли, она несколько раз хотела начать говорить, но Лю Яоцин остановил её взглядом.

Если бы это было раньше, Ли-ши, конечно, не отказала бы Тётей Ли, и тогда ей бы досталась добрая половина курицы, но сейчас она молчала, как ракушка, и Тётя Ли, увидев Лю Яоцина, стоящего у двери, заговорила.

— Цин-гэр, тётя знает, что ты хороший мальчик, Сяо Бао недавно хотел поиграть с тобой, — улыбаясь, сказала Тётя Ли. — Я вижу, что курица в котле большая и жирная, можешь дать Сяо Бао несколько кусочков мяса, чтобы он полакомился?

Сказав это, Тётя Ли повернулась и достала из шкафа миску, поставив её на стол.

Увидев, как Тётя Ли сама уже облизывается, Лю Яоцин промолчал.

Курица в котле сварилась, и нельзя было держать её там долго. Ли-ши взяла таз, вынула курицу и начала разделывать, кости можно было использовать для бульона.

Прежде чем Ли-ши начала, Лю Яоцин подошёл, взял миску на столе и оторвал куриное бедро и крыло.

— Цин-гэр, ты такой умный, Сяо Бао любит куриные шеи, голову и печень, — обрадовалась Тётя Ли. Раньше она всегда так делала, каждый раз просила больше, и Ли-ши, чтобы не обидеть, давала ей всё, что она просила.

Лю Яоцин действительно вынул печень, но положил только половину.

Дикая курица, которую принёс Чжэцзы-гэ, была особенно большой и жирной, даже одно крыло и бедро уже заполнили миску, и она была тяжёлой. Лю Яоцин, не глядя на взволнованное лицо Тётей Ли, сказал Син-гэ, который стоял у двери и облизывался:

— Син-гэ, отнеси эту миску бабушке, иначе папа снова скажет, что мы не почтительны.

— Хорошо, — Син-гэ посмотрел на оцепеневшую Тётю Ли и убежал с миской.

<http://bllate.org/book/16688/1531656>